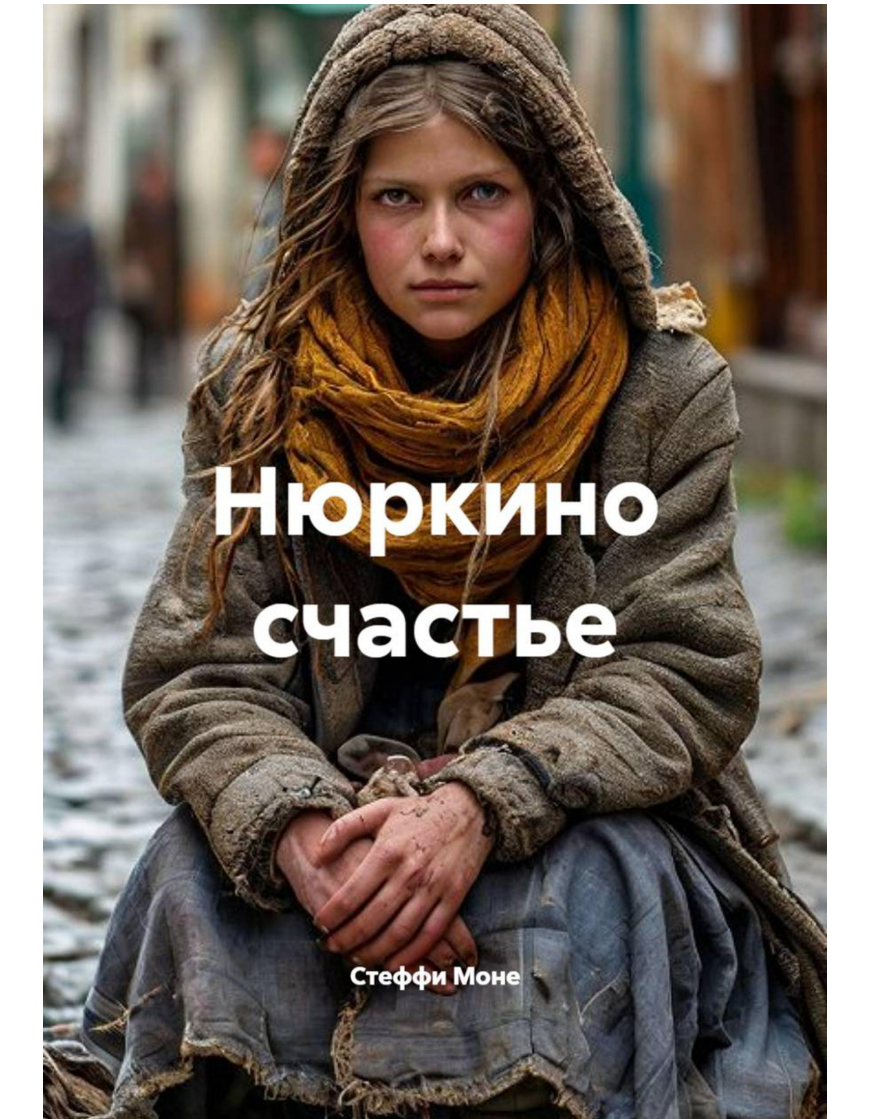




Нюркино счастье

Стеффи Моне

Стеффи Моне Нюркино счастье

<https://litres.ru/74367984>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это история о спасении через милосердие и обретении дома. Уличная попрошайка живет своей жизнью, где счастье и боль переплетаются со словами святых отцов. Но, чтобы отыскать настоящее счастье, Нюрке придется побороться за жизнь и порочувствовать житие святого ...

Главная идея в том, что истинное счастье и спасение приходят через взаимную заботу и способность видеть человека в том, кого общество считает «никчёмным».

Стеффи Моне

Нюркино счастье

Нюрка! Опять в самую грязюку уселась! Да как тебя только терпят на этой улице! — раздался сердитый окрик, но в нём сквозила не злоба, а привычная, почти усталая забота.

Маленькая девчонка неловко вылезла из-под покосившейся картонной коробки, сладко потянулась, будто сбрасывая с себя тяжесть дня, и подняла чумазое лицо к солнышку. Лучи скользили по её перепачканным щекам, золотили спутанные косички, и в этот миг она казалась не замарашкой, а солнечным зайчиком, чудом затесавшимся среди серых заборов и пыльных тропинок.

«Нюрка! Нюрашка — большая замарашка! Где ползёт — там грязь с собой несёт!» — звонко кричали малыши, бегая вокруг, как стайка воробьёв. Их смех рассыпался по улице весёлыми искрами, а дразнилки звучали не как обидные слова, а как привычная песенка, без которой день был бы не тот.

А Нюра в это самое время, кряхтя от натуги, вытащила из-за пазухи потрёпанную книжицу — да и книжицей; то её называть было трудно: несколько листов, сшитых грубой ниткой, затёртых до прозрачности на сгибах, пахнущих пылью,

дождём и чем-то неуловимо родным. С благоговейной осторожностью, словно держала в руках хрупкую птичью скорлупку, она раскрыла её и тихо, по слогам, будто пробуя каждое слово на вкус, прочитала:

— «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем — моё почтение».

Девочка помусолила палец, посмаковала горьковатый привкус бумаги — и вдруг заулыбалась во весь свой беззубый рот, так искренне и светло, будто только что открыла величайшую тайну мира.

Ребятишки тут же обступили её тесным кружком, тянулись потрогать за косички, дёрнуть за подол выцветшего платица. В деревне давно ходила примета: кто дотронется до местной дурочки, тому непременно повезёт — то монетку найдёт, то в доме радость случится. Потому Нюрку никто не обижал всерьёз — разве что подразнят малость, да и то без злости. А чаще всего ей старались сунуть в руку кусок пирога, горбушку хлеба или яблоко, чуть подгнившее, но всё равно желанное.

Нюрка ласково гладила непослушные головки детей, трепала их лохматые макушки, и в её движениях не было ни обиды, ни укора — только тихая, всепрощающая нежность.

Она не сердилась, что её кликали «дурочкой». В этом мире всё было непросто, запутанно, как клубок старых ниток: часто те, кого считали умными, спивались до беспамятства, а те, кого величали дураками, занимали высокие посты и вершили судьбы.

Пусть голова у неё и не блистала хитростью, зато своё дело она знала туго: не растрчивала жизнь на пустые тревоги, не гонялась за тем, что само не шло в руки. Жила в своё удовольствие: хотела — пела, хотела — молчала, хотела — спала прямо на тёплой от солнца картонке. А то, что еды порой не хватало, — так это даже и к лучшему: останется худенькой, почти невесомой, как осенний листок. Таким и подают охотнее, и жалеют сильнее.

Ведь человеческое сердце не спрячешь за подкладкой, как монетку: как ни старайся, а совесть всё равно выпрыгнет, кольнёт острым крылышком, не даст спокойно пройти мимо чужой беды. Да и что ты за птичка-невеличка, совесть? Откуда взялась? Почему не даёшь спать и есть, тревожишь душу, а порой позволяешь себе заткнуть её за пояс, обвести вокруг пальца? Только это ненадолго: погрустишь чуток — и снова она тут как тут. Один сплюнет да пройдёт мимо, другой — денежкой побалуует. Бабы, конечно, жалостливее: им весь мир жалко, ведь они детей рожали, знают, каково это — чувствовать чужую боль как свою. А дети — народ особен-

ный, не зря сам Иисус велел их к себе допускать. Им законы этого мира не писаны, они видят сердцем, а не глазами.

И потому Нюра снова села на свою картонку, поджав под себя худенькие ноги, и ещё раз медленно, смакуя каждую буковку, прочитала заветную строчку:

— «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем — моё почтение».

Ей нравилось не просто произносить слова, а вглядываться в них, как в окошко, за которым открывается целый мир. Для неё это была не просто фраза, а формула счастливой жизни, рецепт духовного роста, маленькая дверца в большую тишину души. Жизнь полна радости и счастья, если мы этого захотим, и полна сожалений, если наше существование пусто. Часто именно эта пустота заставляет нас оглядываться по сторонам в поисках чужого счастья, завидовать чужой удаче, чужой улыбке. Но не так просто принять жизнь другого человека, ведь каждому из нас ближе своя рубашка. Вот тут-то и рождается осуждение — тихое, ползучее, разъедающее душу, словно ржавчина.

Прошрое вспоминалось с трудом, будто сквозь густой туман: как умерли отец и мамка, как её, словно ненужную вещь, выбросили из дома, чтобы прибрать чужое добро. Как

больно ударила её жизнь и в сердце, и в голову, оставив там глубокие, ноющие шрамы. И покатилась её жизнь туда, куда и ведать не ведала. Может, давно бы сгинула в какой-нибудь канаве, да листочки книжные спасали — давали опору, когда земля уходила из-под ног.

«Не тужить» — это она старалась изо всех сил, отворачиваясь от скорбей, стискивая зубы и быстрее перебирая ногами, лишь бы не останавливаться, не давать горю пустить корни. А вот направлять сердце к Богу было куда сложнее, особенно на голодный желудок: к этому нужно было себя заставлять, шаг за шагом, слово за словом. И уж совсем непросто было «не осуждать» и «не досаждать», то есть избегать горделивых суждений о других, которые разрушают мир не столько в чужой душе, сколько в своей собственной. Ведь каждое намерение, даже самое крошечное, оставляет особый отпечаток в нашем сердце — созидая его или извращая. Только при таком бережном, внимательном существовании можно научиться излучать тихий свет мысли: «Всем — моё почтение» — как призыв к почтительности и уважению к каждому человеку, как следование заповеди апостола.

Так Нюрка и жила: читала запоем, пока день не сливался с ночью, пока последние лучи не гасли за крышами домов. Пела псалмы до хрипоты, вкладывая в каждый звук всю свою душу, всю свою веру в то, что где-то там, за пределами гряз-

ной улицы и покосившихся заборов, есть свет, который никогда не погаснет. Делала всё на полную катушку — и оттого смеялась без меры, звонко, заливисто, словно и правда была глупышкой, у которой в голове только цветочки распустились.

Ничего не знала, не могла бы растолковать мудреные богословские трактаты, не сравнится с её любимым старцем Амвросием Оптинским, к которому за духовным советом приезжали люди со всех концов земли. Он умел говорить просто и образно, часто прибегая к пословицам, чтобы донести глубокие истины до самых разных слушателей. Его наставления были сосредоточены на смирении, любви к ближнему и умении находить мир в сердцах людей.

Иногда Нюрке казалось, что святой сидит рядом с ней на её картонке, жуёт вместе с ней пустую картошку и тихо говорит своим мягким, обволакивающим голосом:

— Если ты находишь, что в тебе нет любви, а желаешь её иметь, то делай дела любви, хотя сначала и без любви. Господь увидит твоё старание и вложит в сердце твоё любовь.

Тогда Нюрка выпячивала губы, закатывала глаза к небу и кланялась этому миру — для кого-то безжалостному, холодному, а для неё — самому светлому и святому, полному

невидимых чудес и тихой благодати.

Потом святой исчезал, растворялся в вечернем воздухе, а девочка оставалась на земле, в самой грязи, у паперти, маленькая, чумазая, но с сердцем, полным света.

Глупая, как все её звали, Нюрка часто отдавала свои последние крохи птичкам небесным, что прилетали к ней каждое утро, доверчиво садились на вытянутую руку. Угощала молоком грязных котят с разорванными ушами, хотя саму её угощали редко. Но ей хватало и этого: горстки зерна, блюдечка молока, тёплого взгляда случайного прохожего.

А как человеку жить на Земле? Все мы словно слепенькие, как брошенные выводки, не замечаем, что мир хрупок, что его легко растоптать, утопить в равнодушии. Нюрка раздавала свои «дурацкие» советы, шептала простые слова утешения, но любовь молчала, пряталась где-то в дальних углах людских сердец. Только Нюрка всё улыбалась, выжимая из себя счастье, как выжимают мокрую тряпку, и делилась этими крохами уличной благодати со всеми, кто проходил мимо, даже если никто не останавливался, чтобы взять.

*

Снова зашуршали потрёпанные листочки, будто шептали ей что-то своё, тайное. Нюрка смеялась, раскидывая руки навстречу небу, будто хотела обнять весь мир — и пусть с тя-

жёлых грозовых туч срывались косые нити дождя, прошивая воздух серебряными стежками, будто пытались пришить этот беспокойный, шаткий мир к небесам, удержать его от падения. Дождь хлестал по лицу, а она всё смеялась, и её беззубый рот словно пил эту небесную радость, а капли омывали лицо, смывая пыль прожитого дня, даруя ощущение нового начала.

Прижимая страницы к груди, будто это было самое дорогое сокровище на свете, Нюрка шептала, и голос её сливался с шумом дождя:

— Ты грешник? Не отчаивайся, но приди, принеси покаяние. Ты согрешил? Скажи Богу: «Я согрешил».

Она и правда была счастлива в эту минуту, но в глубине души знала о целой горе своих грехов — они расползались по её телу, словно холодные, колючие муравьи, и по ночам кусали в самые больные места, жалили так, что хотелось кричать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.